

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ СТАЛИ и СПЛАВОВ
Технологический университет

Кафедра философско-исторических и социально-правовых наук

Составитель Ю.Б. Пиковский

ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ

Раздел: *Эволюционная психология*

Хрестоматия

для студентов всех специальностей

Под редакцией проф. В.М. Мапельман

Рекомендовано редакционно-издательским
советом института

УДК 159.9
О72

О72 Основы психологии: Хрестоматия. /Сост. Ю.Б. Пиковский. – М.: МИСиС, 2001. – 100 с.

Представлены фрагменты классических исследований в области эволюционных основ регуляции поведения человека и животных: К.Лоренц «Агрессия», Г.Лебон. «Психология масс», «Мнения и верования толпы», «Классификация и описание толпы различных категорий», М.Арджайл «Язык взгляда», Б.Тишинский «О дверях, стульях и разговорах шепотом», Р.Соммер «Личное пространство».

Знакомство с работами этих авторов позволит студентам всех специальностей лучше понять глубокие взаимосвязи биологических и социальных корней поведения животных и психологии человека в контексте исторического развития жизни на Земле.

© Московский государственный
институт стали и сплавов
(Технологический университет)
(МИСиС), 2001

СОДЕРЖАНИЕ

К. Лоренц. АГРЕССИЯ.....	4
1. Для чего нужна агрессия	4
2. Сё человек	28
Г. Лебон. ПСИХОЛОГИЯ МАСС.....	51
1. Общая характеристика толпы. психологический закон ее духовного единства.....	57
2. Чувства и нравственность толпы.....	64
3. Идеи, рассуждения и соображения толпы	65
Г. Лебон. Мнения и верования топы	67
1. Отдаленные факторы мнений и верований	67
2. Непосредственные факторы мнений толпы	72
3. Вожаки толпы и их способы убеждения.....	75
4. Границы изменчивости мнений и верований толпы....	78
Г. Лебон. КЛАССИФИКАЦИЯ И ОПИСАНИЕ ТОЛПЫ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ	80
1. Классификация толпы.....	80
2. Преступная толпа	80
3. Парламентские собрания.....	83
М. Арджайл. ЯЗЫК ВЗГЛЯДА	85
Б. Тишинский. О ДВЕРЯХ, СТУЛЬЯХ И РАЗГОВОРАХ ШЕПОТОМ.....	90
Р. Соммер. ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	98

К. Лоренц

АГРЕССИЯ

<...>

1. ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА АГРЕССИЯ

Часть силы той, что без числа,
Творит добро, всему желая зла.

Гёте

Для чего вообще борются друг с другом живые существа? Борьба – вездесущий в природе процесс; способы поведения, предназначенные для борьбы, как и оружие, наступательное и оборонительное, настолько высоко развиты и настолько очевидно возникли под селекционным давлением соответствующих видосохраняющих функций, что мы, вслед за Дарвином, несомненно, должны заняться этим вопросом.

Как правило, неспециалисты, сбитые с толку сенсационными сказками прессы и кино, представляют себе взаимоотношения «диких зверей» в «зеленом аду» джунглей как кровавую борьбу всех против всех. Совсем еще недавно были фильмы, в которых, например, можно было увидеть борьбу бенгальского тигра с питоном, а сразу вслед затем – питона с крокодилом. С чистой совестью могу заявить, что в естественных условиях такого не бывает никогда. Да и какой смысл одному из этих зверей уничтожить другого? Ни один из них жизненных интересов другого не затрагивает!

Точно так же и формулу Дарвина «борьба за существование», превратившуюся в модное выражение, которым часто злоупотребляют, непосвященные ошибочно относят, как правило, к борьбе между различными видами. На самом же деле, «борьба», о которой говорил Дарвин и которая движет эволюцию, – это в первую очередь *конкуренция* между ближайшими родственниками. То, что заставляет вид, каков он сегодня, исчезнуть – или превращает его в другой вид, – это

какое-нибудь удачное «изобретение», выпавшее на долю одного или нескольких собратьев по виду в результате совершенно случайного выигрыша в вечной лотерее Изменчивость. Потомки этих счастливых, как уже говорилось, очень скоро вытеснят всех остальных, так что вид будет состоять только из особей, обладающих новым изобретением.

Конечно же, *бывают* враждебные столкновения и между разными видами. Филин по ночам убивает и пожирает даже хорошо вооруженных хищных птиц, хотя они наверняка очень серьезно сопротивляются. Со своей стороны – если они встречают большую сову среди бела дня, то нападают на нее, преисполненные ненависти. **Почти каждое хоть сколь-нибудь вооруженное животное, начиная с мелких грызунов, яростно сражается, если у него нет возможности бежать.*** Кроме этих особых случаев межвидовой борьбы существуют и другие, менее специфические. Две птицы разных видов могут подраться из-за дупла, пригодного под гнездо; любые два животных, примерно равные по силе, могут схватиться из-за пищи и т. д. Здесь необходимо сказать кое-что о случаях межвидовой борьбы, иллюстрированных примерами ниже, чтобы подчеркнуть их своеобразие и отграничить от внутривидовой агрессии, которая собственно и является предметом нашей книги.

Функция сохранения вида гораздо яснее при любых межвидовых столкновениях, нежели в случае внутривидовой борьбы. Взаимное влияние хищника и жертвы дает замечательные образцы того, как отбор заставляет одного из них приспосабливаться к развитию другого. Быстрота преследуемых копытных культивирует мощную прыгучесть и страшно вооруженные лапы крупных кошек, а те – в свою очередь – развивают у жертвы все более тонкое чутье и все более быстрый бег. Впечатляющий пример такого эволюционного соревнования между наступательным и оборонительным оружием дает хорошо прослеженная палеонтологически специализация зубов травоядных млекопитающих – зубы становились все крепче – и параллельное развитие пищевых растений, которые по возможности защищались от съедения отложением кремневых кислот и другими мерами. Но такого рода «борьба» между поедающим и поедаемым *никогда* не приводит к полному уничтожению жертвы хищником; между ними *всегда* устанавливается некое равновесие, которое – если говорить о виде в целом – выгодно для обоих. Последние львы подошли бы от голода гораздо раньше

* Здесь и далее выделено составителем.

ше, чем убили бы последнюю пару антило или зебр, способную к продолжению рода. Так же, как – в переводе на человечески-коммерческий язык – китобойный флот обанкротился бы задолго до исчезновения последних китов. **Кто непосредственно угрожает существованию вида – это не «пожиратель», а конкурент; именно он и только он.** Когда в давние времена в Австралии появились динго – поначалу домашние собаки, завезенные туда людьми и одичавшие там, – они не истребили ни одного вида из тех, что служили добычей, зато под корень извели крупных сумчатых хищников, которые охотились на тех же животных, что и они. Местные хищники, сумчатый волк и сумчатый дьявол, были значительно сильнее динго, но в охотничьем искусстве эти древние, сравнительно глупые и медлительные звери уступали «современным» млекопитающим. Динго настолько уменьшили поголовье добычи, что охотничьи методы их конкурентов больше «не окупались», так что теперь они обитают лишь на Тасмании, куда динго не добрались.

Впрочем, с другой стороны, **столкновение между хищником и добычей вообще не является борьбой в подлинном смысле этого слова.** Конечно же, удар лапы, которым лев сбивает свою добычу, формой движения подобен тому, каким он бьет соперника, – охотничье ружье тоже похоже на армейский карабин, – однако внутренние истоки поведения охотника и бойца совершенно различны. Когда лев убивает буйвола, этот буйвол вызывает в нем не больше агрессивности, чем во мне аппетитный индюк, висящий в кладовке, на которого я смотрю с таким же удовольствием. Различие внутренних побуждений ясно видно уже по выразительным движениям. Если собака гонит зайца, то у нее бывает точно такое же напряженно-радостное выражение, с каким она приветствует хозяина или предвкушает что-нибудь приятное. И по львиной морде в драматический момент прыжка можно вполне отчетливо видеть, как это зафиксировано на многих отличных фотографиях, что он вовсе не зол. Рычание, прижатые уши и другие выразительные движения, связанные с боевым поведением, можно видеть у охотящихся хищников только тогда, когда они всерьез боятся своей вооруженной добычи, но и в этом случае лишь в виде намека.

Ближе к подлинной агрессии, чем нападение охотника на добычу, интересный обратный случай «контратаки» добычи против хищника. Особенно это касается стадных животных, которые всем

скопом нападают на хищника, стоит лишь им его заметить; потому в английском языке это явление называется «мобинг».¹

В обиходном немецком соответствующего слова нет, но в старом охотничьем жаргоне есть такое выражение – вороны или другие птицы «травят» филина, кошку или другого ночного хищника, если он попадетя им на глаза при свете дня. Если сказать, что стадо коров «затравило» таксу – этим можно шокировать даже приверженцев святого Хуберта²; однако, как мы вскоре увидим, здесь и в самом деле идет речь о совершенно аналогичных явлениях.

Нападение на хищника-пожирателя имеет очевидный смысл для сохранения вида. Даже когда нападающий мал и безоружен, он причиняет объекту нападения весьма чувствительные неприятности. Все хищники, охотящиеся в одиночку, могут рассчитывать на успех лишь в том случае, если их нападение внезапно. Когда лисицу сопровождает по лесу кричащая сойка, когда вслед за кобчиком летит целая стая предупреждающе щебечущих трясогузок – охота у них бывает основательно подпорчена. С помощью травли многие птицы отгоняют обнаруженную днем сову так далеко, что на следующий вечер ночной хищник охотится где-то в другом месте. Особенно интересна функция травли у ряда птиц с высокоразвитой общественной организацией, таких, как галки и многие гуси. У первых важнейшее значение травли для сохранения вида состоит в том, чтобы показать неопытной молодежи, как выглядит опасный враг. Такого врожденного знания у галок нет. У птиц это уникальный случай традиционно передаваемого знания. Гуси, на основании строго избирательного врожденного механизма, «знают»: нечто пушистое, рыже-коричневое, вытянутое и ползущее – чрезвычайно опасно. Однако и у них видосохраняющая функция «мобинга» – со всем его переполохом, когда отовсюду слетаются тучи гусей, – имеет в основном учебную цель. Те, кто этого еще не знал, узнают: лисы бывают *здесь!* Когда на нашем озере лишь часть берега была защищена от хищников специальной изгородью, – гуси избегали любых укрытий, под которыми могла бы спрятаться лиса, держась на расстоянии не

¹ Моб – *англ.* толпа

² Святой Хуберт – покровитель животных и охоты (656(?) — 727). Старший сын герцога Бертрана Аквитанского. Согласно легенде, обратился в христианство, повстречав на охоте оленя с сияющим крестом на рогах. Был епископом маастрихтским и льежским. Канонизирован в 15-м в.

меньше 15 метров от них; в то же время они безбоязненно заходили в чашу молодого сосняка на защищенных участках. Кроме этих дидактических целей, травля хищных млекопитающих – и у галок, и у гусей – имеет, разумеется, и первоначальную задачу: отравлять врагу существование. Галки его бьют, настойчиво и основательно, а гуси, по-видимому, запугивают своим криком, невероятным количеством и бесстрашным поведением. Крупные канадские казарки атакуют лису даже на земле пешим сомкнутым строем; и я никогда не видел, чтобы лиса попыталась при этом схватить одного из своих мучителей. С прижатыми ушами, с явным отвращением на морде, она оглядывается через плечо на трубящую стаю и медленно, «сохраняя лицо», трусит прочь.

Конечно, мобинг наиболее эффективен у крупных и вооруженных травоядных, которые – если их много – «берут на мушку» даже крупных хищников. По одному достоверному сообщению, зебры нападают даже на леопарда, если он попадает им в открытой степи. У наших домашних коров и свиней инстинкт общего нападения на волка сидит в крови настолько прочно, что если зайти на пастбище к большому стаду в сопровождении молодой и пугливой собаки – это может оказаться весьма опасным делом. Такая собака, вместо того чтобы облаять нападающих или самостоятельно удрать, ищет защиты у ног хозяина. Мне самому с моей собакой Стази пришлось однажды прыгать в озеро и спасаться вплавь, когда стадо молодняка охватило нас полукольцом и, опустив рога, угрожающе двинулось вперед. А мой брат во время первой мировой войны провел в южной Венгрии прелестный вечер на иве, забравшись туда со своим скоч-терьером под мышкой: их окружило стадо полудиких венгерских свиней, свободно пасшихся в лесу, и круг начал сжиматься, недвусмысленно обнажив клыки.

О таких эффективных нападениях на действительного или мнимого хищника-пожирателя можно было бы рассказывать долго. У некоторых птиц и рыб специально для этой цели развилась яркая «апосематическая», или предупреждающая, окраска, которую хищник может легко заметить и ассоциировать с теми неприятностями, какие он имел, встречаясь с данным видом. **Ядовитые, противные на вкус или как-либо иначе защищенные животные самых различных групп поразительно часто «выбирают» для предупредительного сигнала сочетание одних и тех же цветов – красного, белого и черного.** И чрезвычайно примечательны два вида, которые – кроме «ядовитой» агрессивности – не имеют ничего общего ни

друг с другом, ни с упомянутыми ядовитыми животными, а именно – утка-пеганка и рыбка, суматранский усач. О пеганках давно известно, что они люто травят хищников; их яркое оперение настолько угнетает лис, что они могут безнаказанно высидживать утят в лисьих норах, в присутствии хозяев. Суматранских усачей я купил специально, чтобы узнать, зачем эти рыбки окрашены так ядовито; они тотчас же ответили на этот вопрос, затеяв в большом общем аквариуме такую травлю крупного окуня, что мне пришлось спасать хищного великана от этих безобидных с виду малюток.

Как при нападении хищника на добычу или при травле хищника его жертвами, так же очевидна видосохраняющая функция третьего типа боевого поведения, который мы с Х. Хедигером называем *критической реакцией*. В английском языке выражение «сражаться, как крыса, загнанная в угол» символизирует отчаянную борьбу, в которую боец вкладывает все, потому что не может ни уйти, ни рассчитывать на пощаду. Эта форма боевого поведения, самая яростная, мотивируется *страхом*, сильнейшим стремлением к бегству, которую не может быть реализовано потому, что опасность слишком близка. Животное, можно сказать, уже не рискует вернуться к ней спиной – и нападает само с пресловутым «мужеством отчаяния». Именно это происходит, когда бегство невозможно из-за ограниченности пространства – как в случае с загнанной крысой, – но точно так же может подействовать и необходимость защиты выводка или семьи. Нападение курицы-наседки или гусака на любой объект, слишком приблизившийся к птенцам, тоже следует считать критической реакцией. При внезапном появлении опасного врага в пределах определенной критической зоны многие животные яростно набрасываются на него, хотя бежали бы с гораздо большего расстояния, если бы заметили его приближение издали. Как показал Хедигер, цирковые дрессировщики загоняют своих хищников в любую точку арены, ведя рискованную игру на границе между дистанцией бегства и критической дистанцией. В тысяче охотничьих рассказов можно прочесть, что крупные хищники наиболее опасны в густых зарослях. Это прежде всего потому, что там дистанция бегства особенно мала; зверь в чаще чувствует себя укрытым и рассчитывает на то, что человек, продираясь сквозь заросли, не заметит его, даже если пройдет совсем близко. Но если при этом человек перешагнет рубеж критической дистанции зверя, то происходит так называемый несчастный случай на охоте – быстро и трагично.

В только что рассмотренных случаях борьбы между животными различных видов есть общая черта: здесь вполне ясно, какую пользу для сохранения вида получает или «должен» получить каждый из участников борьбы. Но и внутривидовая агрессия – агрессия в узком и собственном смысле этого слова – тоже служит сохранению вида. В отношении ее тоже можно и нужно задать дарвиновский вопрос «для чего?». Многим это покажется не столь уж очевидным; а люди, свыкшиеся с идеями классического психоанализа, могут усмотреть в таком вопросе злонамеренную попытку апологии Жизнеуничтожающего Начала, или попросту Зла. Обычному цивилизованному человеку случается увидеть подлинную агрессию лишь тогда, когда сцепятся его сограждане или домашние животные;

разумеется, он видит лишь дурные последствия таких раздоров. Здесь поистине устрашающий ряд постепенных переходов – от петухов, подравшихся на помойке, через грызущихся собак, через мальчишек, разбивающих друг другу носы, через парней, бьющих друг другу об головы пивные кружки, через трактирные побоища, уже слегка окрашенные политикой, – приводит наконец к войнам и к атомной бомбе.

У нас есть веские основания считать внутривидовую агрессию наиболее серьезной опасностью, какая грозит человечеству в современных условиях культурно-исторического и технического развития. Но перспектива побороть эту опасность отнюдь не улучшится, если мы будем относиться к ней как к чему-то метафизическому и неотвратимому; если же попытаться проследить цепь естественных причин ее возникновения – это может помочь. Всякий раз, когда человек обретал способность преднамеренно изменять какое-либо явление природы в нужном ему направлении, он был обязан этим своему пониманию причинно-следственных связей, определяющих это явление. Наука о нормальных жизненных процессах, выполняющих функцию сохранения вида, – физиология, – является необходимым основанием для науки о нарушениях этих процессов – патологии. Поэтому давайте забудем на какое-то время, что в условиях цивилизации агрессивный инстинкт очень серьезно «сошел с рельсов», и постараемся по возможности беспристрастно исследовать его естественные причины. Как подлинны дарвинисты, исходя из уже объясненных оснований, мы прежде всего задаемся вопросом о видосохраняющей функции, которую выполняет борьба между собратьями по виду в естественных – или, лучше сказать, в доцивилизирован-